

На следующее утро, едва рассвело, хозяин завернул жену в плотное одеяло и брезент, а затем уложил её в старый грузовик, на котором обычно перевозили зерно.

Дунфан видел, как из-под ткани выглядывала лишь половина лица — бледная, слабая, с затуманенными глазами. Наверняка в добром здравии эта женщина была очень красива.

— Малыш, я уезжаю. В Городе Буйвола не ищи лишних неприятностей, ладно?

— М-м, не беспокойся.

Хозяин даже не успел перекинуться парой слов с юношей, с которым только вчера уладил дела, и, торопливо забравшись в кабину, воспользовался утренними сумерками, чтобы поскорее отправиться в путь.

Дунфан проводил взглядом старый грузовик. Синие всполохи электромагнитного двигателя отражались на пыльной дороге, а шины с трудом цеплялись за грунт. Он понимал, что эта поездка будет не из лёгких, даже несмотря на то, что отдал хозяину все свои сбережения.

Стоп... Дунфан опомнился и пошарил в карманах. Там осталась лишь горсть бобов.

Он с досадой хлопнул себя по лбу. Остаться без гроша в кармане на второй же день после прибытия в Город Буйвола — такого он не ожидал.

Сжимая бобы в кулаке, он вспомнил слова старухи: Половину засеешь, половину сахарным тростником засадишь — и хорошая жизнь не заставит себя ждать. Он относился к этому скептически, но все жители Города Сердца слепо верили фэншуй-мастерам, чьи услуги стоили баснословных денег, а репутация была безупречной.

Дунфан вернулся в гостиницу и открыл электронную туманную завесу за стойкой. В нос ударил слабый запах лекарств. Комната была идеально чистой, на тумбочке остался лишь цветок из жёлтого стекла — всё остальное хозяин забрал с собой.

Дунфан вышел и снова задвинул завесу. Он не собирался занимать комнату, полную чужих воспоминаний. В гостинице хватало и других мест.

Обойдя здание, он обнаружил огороженный дворик с забором из сплетённых колючих веток. Там же стояла электроплитка — очевидно, хозяин вчера проходил через жилые помещения, чтобы разогреть еду.

— Должно быть, заскучал по жене и нашёл предлог, чтобы взглянуть на неё ещё раз, — пробормотал про себя Дунфан. — Ладно, пора сеять.

Он закатал рукава, чувствуя непривычную лёгкость в теле. Обычно по утрам он привык натягивать одежду с мягкой защитой внутри — приходилось носить много тяжёлой брони, чтобы охотиться на роботов-инспекторов, а не самому быть раздавленным их стальными корпусами. Теперь в этом не было нужды, и, хотелось верить, никогда больше не будет.

Полуденное солнце Города Буйвола палило нещадно. Дунфан перепачкался в грязи с головы до ног, став похожим на чумазого котёнка.

Почва во дворе годами пустовала, так что всё утро он провёл в борьбе с сорняками. После долгих усилий участок земли стал напоминать голову лысеющего дядьки: густая растительность по краям и редкие, не желающие расти в ряд всходы посередине.

Дунфан вздохнул. Внезапно ему захотелось вернуться на службу инспектором. Огородничество — куда более трудное дело!

Бобы лежали в только что вырытых ямках — светло-коричневые, пухлые, до невозможности невинные на вид. Дунфан с досадой засыпал их землёй и притоптал.

— Эй, дружище, зачем же ты землю руками копаешь? — раздался сверху мягкий голос.

— Не твоё... — Дунфан поднял голову, и его суровое выражение лица мгновенно застыло.

Он всегда считал, что у него плохой вкус, поэтому не разбирается в красоте, но теперь понял: просто раньше он не видел по-настоящему красивых людей. Раньше его окружали лишь тётушка Сан с отсутствующим зубом да дядюшка Я, раздувшийся, словно воздушный шар.

А этот юноша был красив. Невероятно красив.

Белоснежная кожа, ясные глаза, застенчивая улыбка и живое, одухотворённое лицо. Солнечный свет в Городе Буйвола ложился на него золотистой вуалью, и при каждом дуновении ветра по его одежде пробежали складки, похожие на рябь на воде.

Рябь тоже была золотой.

Дунфан переводил взгляд с юноши на бобы. Неужели это и есть та самая хорошая жизнь?

— Дружище, зачем же ты... — юноша хотел повторить вопрос, но Дунфан перебил его.

— Раз не умеешь сажать, просто стой и смотри. Или pomoжешь? — смущённо и одновременно грозно бросил он.

— С радостью. — Юноша отбросил рюкзак в сторону, подбежал к забору, схватил лопату и принялся за дело.

Они провозились больше полудня. Вдруг юноша остановился и спросил:

— А почему я вообще тебе помогаю?

Дунфан даже не поднял головы, стараясь казаться холодным, хотя на самом деле просто стеснялся:

— Ты ведь путешественник? В этом районе только одна гостиница. Останешься здесь или будешь ночевать под открытым небом?

Сказав это, он поднял голову и одарил юношу лукавой улыбкой, сверкнув белыми зубами:

— Только учти, по ночам здесь... можно умереть и даже не понять, как это случилось.

Юноша вздрогнул и послушно принялся копать дальше.

К закату все бобы были посажены. Дунфан сложил руки и прошептал:

— Растите хорошо, быстрее растите, моя хорошая жизнь...

Юноша удивлённо приподнял бровь, но промолчал.

Дунфан подсоединил жёлтый шланг к водяному насосу. Скудные запасы воды тонкой струйкой потекли по шлангу, и Дунфан принялся помогать юноше смывать грязь с рук.

Руки у того тоже были красивыми — белые, тонкие, длинные. Казалось, капли воды сами тянутся к ним, не желая покидать нежную кожу. Дунфан вспомнил свои руки, покрытые шрамами, и украдкой спрятал их за спину, продолжая одной рукой поливать юношу.

— Хозяин, ты здесь один управляешься? — Юноша вошёл в гостиницу и удивлённо огляделся.
— Как чисто! Не ожидал, что чумазый котёнок может быть таким аккуратным.

Поняв, что сболтнул лишнее, он взглянул на Дунфана и не сдержал усмешки, закусив губу.

— Я только вчера здесь прибрался, — честно ответил тот.

Дунфан принялся снова протирать пол. Юноша послушно стоял на месте, пока хозяин не

указал на обеденный стол. Только тогда гость осторожно ступил на чистый пол и сел.

— Хозяин, сколько стоит ночь? Если я останусь подольше, можно мне... скидку? — застенчиво спросил юноша.

— Готовить умеешь? — Дунфан высунулся из-за стойки.

Юноша немного помедлил:

— Ну... наверное, да.

Дунфан провёл его к электроплитке, показал холодильник с запасами еды, а затем, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди, пулей влетел в обеденный зал. Он достал бутылку лимонного газированного напитка, сорвал восковую печать и сделал глоток.

Пузырьки газа зашекетали горло, и сердце в груди пустилось в пляс.

Дунфан прижал ладони к горящим щекам, прикусив губу так сильно, что почувствовал лёгкую, но приятную боль. Он не мог до конца понять своих чувств — он даже не знал имени этого юноши. Возможно, тот просто был красив, и наблюдать за ним было отрадой для уставших глаз.

Пока Дунфан размышлял над природой этого странного волнения, освежающий аромат лимона вдруг смешался с чем-то зловонным. Он сморщил нос и чихнул.

Обернувшись, он увидел юношу с удручённым видом. Тот держал тарелку с непонятной субстанцией — красной, белой и чёрной. Даже неприхотливый Дунфан понял, что это вряд ли съедобно.

— Это... — замялся юноша.

Дунфан решил не ворчать — всё же с красавчиком надо быть помягче.

— Если бы я не знал, что сам указал путь, подумал бы, что ты зашёл не на ту кухню.

Кажется, мягкости не получилось.

— Прости, я не думал, что готовить так сложно, — искренне извинился юноша.

Дунфан забрал тарелку, отделил пригоревшие куски, пережарил то, что осталось сырым, добавил специй и, кое-как сдобрив блюдо, разделил его с юношей.

После ужина Дунфан вздохнул:

— Никогда не ел ничего более отвратительного. Это и есть моя хорошая жизнь?

Юноша, впрочем, не унывал и завёл разговор:

— Хозяин, а почему ты решил открыть здесь гостиницу?

— Потому что делать было нечего, — ответил Дунфан. — Думал, будет тихо и спокойно, а тут в первый же день столько событий.

Юноша чокнулся своей бутылкой с лимонадом о бутылку Дунфана. Его голос звучал очень приятно:

— Ты ведь ещё совсем молод, чего ворчишь, как старик?

— А ты чем в Городе Буйвола занимаешься?

— Я? — юноша слегка улыбнулся. — Пишу романы, собираю материал.

— Должно быть, ты очень образован.

— Едва ли. В наше время культура не имеет особого значения. Я просто работник индустрии развлечений.

— Понимаю. Я тоже читал романы, раньше не было времени, а теперь — настроения.

— Хозяин, у тебя наверняка много историй. Ты молод, но столько пережил — отличный главный герой вышел бы.

— Не хочу, чтобы обо мне писали, — отрезал Дунфан. — Кто, кроме меня самого, может понять, что я чувствую?

— Все мы живём в вымысле, каждую минуту, — спокойно сказал юноша.

— Плевать. Мне это не нравится. Не нравится Город Сердца — куда ни поверни, везде тюрьма, везде правила, везде заговоры... и везде несчастные люди, — голос Дунфана становился всё тише.

— О? Хозяин, ты из Города Сердца?

— Угу. — Дунфан достал чёрный кубик и принялся вертеть его в руках. Поскольку связь с диском была прервана, серебристые звёзды на нём погасли.

Лицо юноши слегка изменилось:

— Значит, ты инспектор.

— Угу, узнал эту штуку? — Дунфан небрежно показал ему устройство, в его голосе проскользнула гордость. — Да, инспектор. Большинство тех, кто дослужился до такого уровня, уже давно стали дядями и тётями.

— Тебе, должно быть, пришлось нелегко. — Юноша протянул руку и потрепал Дунфана по волосам. — Сражаться с машинами, обретшими сознание, — для этого нужно много мужества.

Дунфан слабо улыбнулся, в его юных глазах читалась глубокая усталость:

— Больше всего меня раздражает не это.

Юноша смотрел на него с нескрываемым интересом, побуждая продолжать.

Дунфан лениво прищурился и положил голову на стол:

— Больше всего раздражает то, что эти машины... они «плохие», но... почему они «хорошие»? Если бы они были просто «злыми», я мог бы спать спокойно. Но когда у них появляется сознание, они становятся как люди: хотят свободы, имеют желания, хотят уничтожить человечество, а потом вдруг проявляют благородство.

Юноша в недоумении покачал головой:

— Никогда не знал, что у машин могут быть такие разные мысли.

— Когда понимаешь, что добродетели этих машин превосходят человеческие, становится больно. Очень, очень больно. Почему так? Зачем мне было об этом знать! — Дунфан раздражённо взъерошил волосы.

Юноша попытался утешить его:

— Я понимаю. Это как когда ты пытаешься написать стихотворение, а в глазах других выглядишь просто уродливо.

Дунфан снова уткнулся лицом в стол, его голос звучал глухо:

— Один робот сказал мне, что пойдёт на юг, пересечёт Выжженные земли и будет учить детей в зоне боевых действий.

Юноша замер, открыл рот, но ничего не сказал.

— Он «хотел» стать танцором, художником или, как ты, писателем, — голос Дунфана звучал так, будто он выпил не лимонад, а крепкое спиртное. — Разве у него не должно быть мечты? Он ведь всего лишь машина, инструмент, созданный человеком. — Дунфан указал на беспорядок из тарелок и чашек на столе. — Если бы эта чашка сказала, что хочет петь, ты бы поддержал её? Или сразу разбил бы?

— Или, может, ты бы сразу разбил её вдребезги?

Голос Дунфана был холодным и полным усталости. Он всё ещё выглядел как подросток с озорным клыком, но внутри него хранилась столетняя история сражений с ИИ. Тяжёлая и полная противоречий.

Юноша покачал головой:

— Я бы не стал её разбивать, но и жить с ней в одной комнате не смог бы. Я трусоват.

— Плевать. Теперь это всё не имеет значения, — пробормотал Дунфан.

— За твою свободу, — юноша снова чокнулся с ним.

В этот момент снаружи раздался резкий стук в дверь. Дунфан недовольно нахмурился, вспомнив, что он теперь владелец гостиницы, и сейчас самое время для вечерних клиентов.

Он встал, подошёл к двери и открыл её. На пороге стоял мужчина низкого роста, его взгляд, словно змея, проскользнул в щель двери.

Дунфан обернулся и с изумлением обнаружил, что юноша-писатель исчез, а посуда на столе наполовину пропала — словно всё это было лишь сном.

— Есть свободные места? — приглушённо спросил коротышка.

— Угу, мы ещё не открылись, свободных комнат полно. Вам на первом или на втором этаже? — безучастно ответил Дунфан.